

Она не заставляетъ повторять себѣ два раза этихъ словъ и уходитъ, счастливая и довольная, что можетъ вырваться на свѣжій воздухъ.

Она идетъ куда глаза глядятъ, сознавая одно только, что съ каждымъ шагомъ уходитъ дальше отъ нею. Но на долго ли? вѣдь все равно: рано или поздно придется вернуться къ нему—только смерть можетъ освободить ее отъ него.

Погруженная въ свои печальныя размышленія, она не слышала приближающихся шаговъ, и вскрикиваетъ, когда чья-то рука тихонько дотрагивается до ея плеча.

— Какъ? это вы?

— Да, я.

— Развѣ Сара не передала вамъ?

— Да, передала.

— И вы такъ-то слушаетесь меня?

Она молчитъ.

— Это-то ваше хваленое великодушіе и послушаніе?

— Я уйду, если вы сами мнѣ это прикажете; но только вы сами, а не кто-либо другой.

Она молчитъ.

— Я уйду, если вы скажете, что я долженъ уйхать, и останусь, если вы этого пожелаете.

Она съ тоской глядитъ кругомъ и ничего не отвѣчаетъ.

— Что же вы рѣшаете? ѣхать мнѣ или оставаться?

Голосъ его становится все настойчивѣе и повелительнѣе.

— *Я жду! рѣшайте, какъ быть!*

Ужасное будущее! ужасное прошлое! ужасное настоящее! Она боролась изъ всѣхъ силъ. Никто не можетъ сказать, что она не боролась.

— *Что же?* Что вы скажете: уѣзжать мнѣ или оставаться?

— Оста...вать...ся!—произноситъ она наконецъ едва слышно.

Мало-по-малу она поднимаетъ на него свое измученное лицо и говорить:

— Пора идти домой.

Она молча повинуется и они идутъ обратно въ гостиницу; но не успѣли пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ наступаетъ быстрая переменна погоды, столь обычная въ горахъ. Налетаетъ буря и крупныя капли дождя хлещутъ имъ прямо въ лицо. У ней нѣтъ ни зонтика, ни макинтоша, и легкое платье ея скоро пробито насквозь.

Съ тревожной заботливостью она обнимаетъ ее одной ру-